
В.Е. Красовский

«Смерть поэта»

Тема поэта и поэзии особенно сильно волновала Лермонтова и приковала его внимание на многие годы. Для него эта тема была соединена со всеми великими вопросами времени, она была составной частью всего исторического развития человечества. Поэтика Лермонтова утверждала и закрепляла великую идею: поэзия есть оружие битвы.

Стихотворение «Смерть поэта» стоит в центре политической, философской и любовной лирики Лермонтова. В нем — узел всех противоречий эпохи, которые проходят через творчество великого поэта, — от робких первых стихов до дивных песен последних дней. В нем слышен и стон человека от «рабства и цепей», и властный призыв к борьбе с палачами свободы, гения, славы, и пророческое предсказание черных дней для жадной толпы, стоящей у трона.

Лермонтов в «Смерти поэта» говорит о трагедии Пушкина и как о своей личной трагедии, и одновременно как о трагедии эпохи, мира. Он с тревогой видел, как торжествующая пошлость в Европе и России атакует поэзию, осаждает гения, попирает героя, втоптывает в грязь достоинство человека.

Все это и внесло в стихотворение «Смерть поэта» поэтику битвы, и облик Пушкина наряду с чисто «поэтическими» определениями («поэт», «певец») дорисовывается чертами, характеризующими поэта как воина. Отсюда идет повторенное «погиб поэт» (не «умер», не «скончался» — погиб), отсюда идет и «пал» — так пишут о воинах, погибших на поле брани. Дальнейшее «убит», «пал»

С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!.. —

дорисовывает и образ поэта-воина, и образ сражения, в котором он принимал участие.

Идущее затем слово «восстал», как и предыдущее «гордый», а также и заключительное «праведная кровь», не только уточняет характер битвы-восстания, не только готовит рождение знаменитых заключительных шестнадцати строк, но и воссоединяет данное стихотворение со всей лермонтовской политической лирикой, которая будто бы готовила рождение этого вершинного произведения русского гения.

Обвинение против света и Дантеса («убийцы») переросло в обвинение против правительства, против социального строя в целом.

Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — все молчи!

Дальнейшие строки концовки восстанавливают идею правого суда (вместо суда неправого), но уже в высшей инстанции.

Но есть, есть божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный судия: он ждет;
Он недоступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!